

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ У ПОСТРАДАВШЕГО СВЕДЕНИЙ О ЛИЦЕ, СОВЕРШИВШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В ч. 2 ст. 426 УПК Республики Беларусь наряду с формулировкой требований к содержанию заявления определяется, что в этом документе должны найти отражение в числе прочих обстоятельств преступления сведения о лице, его совершившем.

В практической деятельности возможны ситуации, когда пострадавшее от преступления лицо не обладает сведениями о личности субъекта преступления и не может отразить их в своем заявлении. В этом случае документ не принимается судом и возвращается для устранения недостатков в срок до 10 суток (ч. 1 ст. 427 УПК Республики Беларусь). Подобное решение согласуется с требованиями ч. 1 ст. 301 УПК Республики Беларусь, определяющей, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого, т. е. человека, личность которого установлена.

Бесспорно, заявитель, как правило, не имеет возможности самостоятельно установить лицо, совершившее в отношении его преступное деяние. Возможным выходом из ситуации может стать обращение в органы уголовного преследования, которые обязаны принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление, сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 172 УПК Республики Беларусь). Однако такой «маневр» порождает еще одну проблему. Указанные органы не были наделены правом возбуждения уголовных дел частного обвинения. В случае если деяние относится к преследуемым в частном порядке, п. 4 ч. 1 ст. 174 УПК Республики Беларусь обязывает прекратить проверку и разъяснить заявителю право возбудить уголовное дело в суде в соответствии со ст. 426 УПК Республики Беларусь.

Эта проблема стала предметом исследования Конституционного Суда Республики Беларусь, который в своем решении от 27 ноября 2015 г. «О правовом регулировании возбуждения уголовных дел частного обвинения» признал существующий в настоящее время пробел в УПК Республики Беларусь и предусмотрел необходимость внесения в него изменений и дополнений, обязывающих органы уголовного преследования возбуждать уголовные дела о преступлениях, преследуемых в частном порядке, в случае отсутствия сведений о лице, их совершившем. Законодатель принял к сведению сделанные замечания и Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З ст. 26 УПК Республики Беларусь была дополнена ч. 5¹ следующего содержания: «Прокурор возбуждает уголовное дело о преступлениях, указанных в части 2 настоящей статьи, по заявлению лица, пострадавшего от преступления, при отсутствии у него сведений о лице, совершившем преступление. Дело, возбужденное прокурором, направляется для производства предварительного следствия». Казалось бы, обозначенное противоречие устранено, однако, по нашему мнению, его реализация, предложенная законодателем, далека от совершенства.

Отметим, что ранее в литературе уже предлагалось подобное разрешение данной проблемы.

В.М. Новик предлагал дополнить ст. 26 УПК Республики Беларусь ч. 5¹ следующего содержания: «Прокурор возбуждает по заявлению потерпевшего уголовное дело о преступлениях, указанных в части второй настоящей статьи, если лицо, совершившее преступление, не установлено. Дело, возбужденное прокурором, направляется для производства дознания». Как видим, законодатель почти дословно воспринял высказанное ученым предложение, однако такое решение, по нашему убеждению, не совсем верное, так как в силу требований ст. 426 УПК Республики Беларусь заявление подается лицом, пострадавшим от преступления, в суд, а не прокурору. В связи с этим остается не совсем понятным, каким образом оно к прокурору поступает. Если предположить, что этот документ направляет судья, установив несоответствие содержания требованиям ст. 426 УПК Республики Беларусь (в части отсутствия сведений о лице, совершившем преступление), то редакции должна подвергаться и ч. 1 ст. 427 УПК Республики Беларусь, которая предписывала бы судье совершить подобные действия.

В этом случае было бы логичнее, на что уже указывала Л.И. Кукреш, закрепить в ч. 5 ст. 26 УПК Республики Беларусь, предоставляющей прокурору право возбудить уголовное дело, если пострадавший «по иным причинам не способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы», и предлагает дополнить это выражение фразой «в том числе если пострадавшему, его представителю не известно лицо, совершившее преступление». Ученый, очевидно, соглашается с российским законодателем, предусматривающим, что совершение преступления неизвестным лицом относится к иным причинам, по которым пострадавший не может защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Судья в случае поступления в суд такого заявления отказывает в его принятии к производству и направляет в органы уголовного преследования для возбуждения уголовного дела, о чем уведомляет заявителя (ч. 2 ст. 147 УПК РФ). Такой подход, по нашему мнению, является правильным, так как позволяет исключить необходимость пострадавшему лицу самостоятельно обращаться в указанные органы после отказа судьи в принятии заявления, что облегчит гражданам доступ к правосудию, и с ним следует согласиться. Для его реализации, считаем, следует:

ч. 5 ст. 26 УПК Республики Беларусь после слов «законные интересы» дополнить словами «в том числе в случае совершения преступления лицом, сведения о котором пострадавшему неизвестны»;

ст. 427 УПК Республики Беларусь дополнить ч. 1² следующего содержания:

«1². В случае, если заявление подано в отношении лица, сведения о котором пострадавшему неизвестны, суд отказывает в его принятии и направляет указанное заявление прокурору для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление».

Вместе с тем приведенный подход предусматривает прямое обращение лица, пострадавшего от совершения преступления, в суд и он не применим в ситуации, когда лицо обращается в орган уголовного преследования, что наиболее типично на практике. Полагаем, что в подобной ситуации решение о возбуждении уголовного дела следует принимать органу дознания,

производить по нему неотложные следственные действия и передавать в соответствии с ч. 3 ст. 186 УПК Республики Беларусь в следственные подразделения. Для реализации предложенного подхода следует предоставить органам уголовного преследования право возбуждения уголовных дел частного обвинения, дополнив ч. 1 ст. 174 УПК Республики Беларусь п. 5, изложив его в следующей редакции:

«5) о возбуждении уголовного дела частного обвинения в случае, если в ходе проведенной проверки не установлено лицо, совершившее преступление».

На наш взгляд, подобный подход в отличие от предложенного законодателем более полно учитывает интересы лица, пострадавшего от совершения преступления, позволит ускорить принятие решения по заявлению, обеспечить более комфортное обращение последнего за судебной защитой.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием вопрос о дальнейшей судьбе уголовного дела, если субъект преступления будет установлен. На наш взгляд, определяющим фактором при ответе на него должно выступать волеизъявление потерпевшего. В том случае, если будет установлено, например, что причинителем вреда является член семьи последнего, близкий родственник либо иное лицо, которого он обоснованно считает близким, и потерпевший заявляет о нежелании привлечь его к ответственности, уголовное дело подлежит прекращению по п. 6 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, так как первоначально поданное им в орган уголовного преследования заявление не было персонифицировано, он не обладал сведениями о виновном. Кроме того, диспозитивные начала исследуемого производства обуславливают принятие подобного решения и в случаях, если субъект преступления не состоит в отношениях родства либо свойства с пострадавшим и последний прямо заявит о своем нежелании привлечь это лицо к ответственности.

Напротив, если потерпевший выражает желание на продолжение производства по делу, обладая информацией о личности субъекта преступления, уголовное дело должно быть расследовано по определенной процедуре, более подробно остановиться на которой не позволяет объем данной публикации.

УДК 343.98(081.2)

Э.С. Сарыгина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ СТОИМОСТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Необходимость определения стоимости объектов учета в судопроизводстве возникает постоянно. Многолетняя следственная и судебная практика обращения к специальным знаниям в области комплекса наук о стоимости объектов учета подтверждает востребованность в проведении стоимостных (оценочных) экспертиз. К непроцессуальной форме применения подобных знаний можно, например, отнести отчеты об оценке; к процессуальной – производство судебных экспертиз, предусмотренных в различных судебно-экспертных учреждениях (товароведческая, строительно-техническая, стоимостная, оценочная, финансово-экономическая, автотехническая и т. д.). В специальной научной литературе можно встретить другие наименования – финансовая, экономико-стоимостная. Многообразие подобных исследований затрудняет правоприменительную практику в аспекте организационно-тактических вопросов их назначения.

Полагаем, что наиболее точным для определения стоимости в целях судопроизводства является термин «стоимостная экспертиза», так как следует различать профессиональную оценочную и стоимостную деятельность. Критерий отличия заключен в основе методологии этих двух разных видов деятельности.

Основная цель обращений правоприменителя в уголовном, гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве заключается в необходимости установления стоимости объекта либо группы объектов учета как объективно существующего факта, его условно минимальной либо наиболее вероятной стоимости и анализа причин проявления преступного интереса к предмету либо объекту посягательства. Однако отсутствие четкой систематизации комплекса наук, которые прямо или косвенно сопряжены с изучением стоимостных характеристик объекта, вызывает сложности в формировании представления о содержании отдельного предметного экспертного знания, используемого в процессе установления обстоятельств по делу. Таким образом, слабо проработанное представление о научной основе судебной стоимостной экспертизы затрудняет ее становление как самостоятельной частной теории в системе частных теорий классов, родов и видов.

Несмотря на достаточно обширную эмпирическую базу стоимостных исследований и экспертиз в судопроизводстве, следует констатировать, что одной из проблем становления частной теории судебной стоимостной экспертизы является отсутствие глубоких научных трудов и изысканий. Существующая специальная литература, посвященная проблемам определения стоимости, имеет разрозненный и эмпирический характер.

Назрела необходимость выработки научных положений, отражающих отдельные элементы предмета судебно-экспертной деятельности в сфере судебных стоимостных экспертиз. По своей природе частная теория судебной стоимостной экспертизы входит в систему частных экспертных теорий судебной экспертологии. Содержание частной теории судебной стоимостной экспертизы в разрезе отражения конкретного элемента предмета науки призвано обогатить содержание общей теории, поскольку именно в частных аспектах детализация насыщает целое. Такой подход основан на диалектическом соотношении целого и части и является основным в соотношении частных теорий и общей теории судебной экспертологии.

Частная теория судебной стоимостной экспертизы является подсистемой общей теории судебной экспертологии, ее предметная область должна быть направлена на поиск закономерностей из числа тех, которые изучает теория судебной экспертологии. Объектом научного познания теории будут явления, процессы, связи и отношения, которые проявляют анализируемые и изучаемые закономерности.